

Polylogos. 2013-2022

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 4 Volume 3. 2019

The Origins of Russian Positivism. Empiriosymbolism

Mikhail Loktionov

Institute of Philosophy of RAS

Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation

Abstract

In addition, the significance of the contribution of these philosophers is shown not only in the development of the positivist trend, but also in Russian philosophy as a whole.

Keywords list (en): Lesevich, Yushkevich, Bogdanov, Lenin, positivism, empirio-criticism, empirio-symbolism.

Date of publication: 30.12.2019

Citation link:

Loktionov M. The Origins of Russian Positivism. Empiriosymbolism // Polylogos. – 2019. – V. 3. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008003-5-1/> DOI: 10.18254/S258770110008003-5

1 В 40-х годах XIX в. русские философы впервые столкнулись с явлением позитивизма, которое на то время представлялось в качестве «контизма». Заинтересованность в позитивизме, который повлек за собой рост интереса к материализму и естественным наукам, обусловлена тем, что их основная идея заключалась в защите против гегельянства и реакции на абстрактные конструкции философских построений классической философии Германии.

2 Владимир Викторович Лесевич является одним из первых отечественных позитивистов. Его имя связано с популяризацией идеи французского философа Огюста Конта, а также с созданием своего, отечественного варианта «наукоучения».

3 После себя В.В. Лесевич оставил большое количество работ, в которых рассматривал различные грани позитивистской философии, чем поспособствовал ее популяризации среди русской общественности. Мысли Огюста Конта привлекали Лесевича своей ориентированностью на «живой опыт», в то время как многие другие философы рассматривали абстрактное построение теологии и метафизики, имевшее в то время популярность среди русской интеллигенции. Как утверждают последователи Конта, «живую

истину» можно получить из идеи конкретного факта, который выводился из чувственного восприятия человека.

4 Основной чертой, объединяющей сторонников позитивизма, является то, что они признавали новую теорию как самое совершенное учение, какое только можно было создать человеком. Им казалось, что эта теория, наконец, разрешала долгую борьбу философии и естествознания за умы общества, которое активно предпринимало попытки создать понятную, не оставляющую вопросов, полную картину окружающей действительности. Теперь философское учение подкреплялось твердыми фактами, которые установило опытное естествознание, что вывело ее из сферы умозрительных спекуляций и должно было стереть различия между философией и наукой.

5 Однако несмотря на то, что В.В. Лесевич разделял эти убеждения, все же он не был безоговорочным последователем всех идей Конта. Ему нравился метод рассуждения, который предложил французский мыслитель, и намеревался применить его для своих целей. Если заглянуть в становление Конта, то стоит учесть, что на него огромное воздействие оказал утопист Сен-Симона. Лесевич же вступал в борьбу с абстрактными истинами, и поэтому не мог разделять размышления Конта на социально-политические темы.

6 Лесевич под стремлением к подлинной истине подразумевал восприятие познающего субъекта, не видя, что и его цель является такой же абстракцией, как и любая другая цель философского суждения.

7 Лесевич не разделял абстракции, которые отражали действительные черты объективного мира и «пустыми» абстракции, которые появлялись в сознании человека при неадекватном обдумывании результатов практики.

8 Он воспринимал противоборство с любыми «умозрительными» конструкциями как самоцель. В результате этого противоборства Лесевич не принимал составляющие контовской системы, не отвечающие положениям позитивистского подхода. Также русский философ видел материализм и идеализм, являющиеся традиционными направлениями философии, очень похожими друг на друга разновидностями все той же абстрактной метафизики, которую он не принимал. Одной из популярных и устойчивых иллюзий того времени была попытка представить позитивизм как некий новый уровень теории философии, который снимал существующее противоречие материализма, с одной стороны, а идеализма, с другой.

9 Как считали позитивистски ориентированные теоретики, гарантию надежности получаемых ими результатов должно было обеспечить отрицание ими всех «абсолютов» познания (однако при этом неявно производилась абсолютизация индивидуального восприятия).

10 Лесевич в своей статье, написанной в соответствии с близкой ему программой французского философа Конта «Философия истории на научной почве», говорит о главной задаче философии в качестве разработки жизненных законов и развития человечества посредством научной методологии. Это стало разрушительной критикой предшествующего развития человеческой мысли. Однако Лесевич утверждает, что такая критика в той или иной степени присутствовала постоянно, но только сейчас она оказалась главной направляющей интеллектуального творчества. Он считает, что это обусловлено тем, что позитивистская критика вытекала не из умозрительных гипотез, а базировалась на экспериментальных научных фактах, которые по умолчанию считались достоверными¹. Этим подходом определяется и оценка Лесевичем непосредственно Конта. Он считает его теорию лишь как предшествующее явление истинно научной философии. Но стоит отметить, что поначалу Конт, как полагает Лесевич, хотел основать некое мистико-метафизическое учение. Однако он обнаружил «удобоприменимость» знания, которое обосновалось опытным путем, и нашел верный путь своих поисков. Так с его «Курса положительной философии» зародилось становление собственно научного мирозерцания².

11 Лесевич понимал, что общественное мнение Европы не подготовлено к

новаторскому характеру предложенной Контом программы, и тем более России, где влияние мистических и метафизических идей было особенно сильным. По этой причине русский философ видел свое предназначение в перекрытии существующего пробела. В связи с этим он опубликовал в «Отечественных записках» статью «Позитивизм после Конта», посредством которой дал характеристику современному ему этапу развития позитивистской философии и определил ее наиболее значимые вопросы.

12 Лесевич, согласно этой программе, построил своеобразную классификацию «миросозерцаний», которая основывалась на «основных положениях», которые принимали последователи различных систем. Лесевич определял «основное положение» в качестве исходной аксиомы, от восприятия которой зависит принятие или отказ от самого миросозерцания. Этот ряд берет начало с «супранатуральной философии», основной мыслью которой является понятие «внемировой силы». После этого наступает стадия «пантеизма и материализма», на которой понятие «натурального бытия» занимает место предыдущего основного положения. Так, базу данного миросозерцания составляют наглядно представленные явления вместо невидимых сущностей. Но и это еще не является положительным знанием. К этому приводит нас позитивизм, выделяющий в «видимом мире» свойства, которые подлежат наблюдению, и считает познаваемым только то, что непосредственно состоит из этих свойств³.

13 Это четко доказывает, что при попытках исключить из всех знаний о мире умозрительные абстракции, позитивистам нужно заменять их другими, не менее умозрительными. Как правдиво заметил М. Метерлинк, бельгийский драматург и философ, мы переименовываем проблемы, но не решаем их. Если принятие исходной аксиомы определяет закон последовательности миросозерцаний, то логично возникновение вопроса о природе факторов, которые и задают эту последовательность.

14 Позитивизм намеревается избежать подобных вопросов посредством ограничения своего предмета только той составляющей природного мира, которая подвергается нашему наблюдению и опирается на опыт, в результате чего философская теория наделяется ролью толкователя или систематизатора данных, основанных на опыте. То, чего не знает наука, положительная философия даже не хочет знать и, соответственно, ничего не знает. В этом Лесевич также видел тесную нерушимую связь между естествознанием и позитивистской философией. Однако в таком случае ему стоило задаться вопросом, а нужна ли философия вообще.

15 Лесевич находился в поисках причины сохранить собственно философскую теорию и видел ее в неизбежности решения теоретико-познавательных задач, которые по традиции относились к компетенции философии. В этом срезе уместно задавать вопросы, изучением которых конкретные науки не занимаются, - в том числе, вопрос о критериях положительного знания. Лесевич занимался поиском ответа, в связи с чем полагает, любое научное знание состоит из: 1) явлений, которые существуют вне человека, и 2) человека, который видит и подтверждает эти явления.

16 Так возникает эмпириокритицизм, который является тенденцией, определившей переход Лесевича ко «второму позитивизму». Современный читатель знаком с этим течением главным образом по его не самой удачной попытке критики В.И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме». Соответственно, в представлении многих оно отождествляется с именами Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса, не вызывая особого интереса к себе. Тем не менее, не все идеи, которые возникли в контексте споров того времени, полностью утратили свое значение. Часть из них надолго определили поиски современным естествознанием подходящей методологии, и поэтому особенно важно отметить тот вклад в общий культурный фон, который внесли русские авторы, которые сегодня являются незаслуженно забытыми.

17 Поскольку предметом естественной науки является восприятие действительности человеком, это предполагает такое понимание истины, при котором невозможно пребывать в зависимости от традиционного представления о совпадении ощущения действительности

человеком, что означает особое понимание истины, пребывающее в зависимости от представления о совпадении ощущения с действительностью в традиционном виде. Лесевич прямо заявляет, что чувственное восприятие часто обманывает человека, создает иллюзию факта, поэтому необходимо различать истину и действительность.

18 Так, согласно мнению Лесевича, истиной является условное соотношение между субъектом и объектом, а ее критерием выступает методологическое требование рассматривать любое явление только в связи с сопутствующими ему другими явлениями. Лесевич полагает, что так мы ликвидируем опасность иллюзий, поскольку индивидуальные чувства больше не имеют определяющего значения, и проверка становится межиндивидуальной задачей⁴.

19 Так возникла трактовка термина «закон науки», к которой неизбежно прибегнул позитивизм. При попытках установить закономерную связь изучаемых явлений Лесевич использует идею «натуральной градации» естественных явлений существующей действительности как твердую базу для науки⁵.

20 Так русский философ выстраивает свою классификацию наук, в соответствии с которой определяется, какую группу явлений действительности изучает та или иная наука. Это определяет направление деятельности познающего ума, а также формирует способ его ориентации в бесконечном комплексе явлений, которые составляют содержание действительного мира. Согласно этой классификации, Лесевич «вносит в изучение действительности методический строй и, определяя каждой науке ее настоящее место в этом общем строе, способствует пониманию значения и смысла как каждой науки отдельно, так и общего синтеза философий этих наук, который есть не что иное, как положительная философия»⁶.

21 Такое тщательное объяснение этих мыслей Лесевича неслучайно, поскольку благодаря ему вырисовывается четкая суть позитивистского мировоззрения того периода, а также обнаруживаются некоторые тенденции, которые не полностью осознавались в 19 веке. Так, например, это была крайне значимая проблема соотношения текста и контекста, где под текстом может пониматься достаточно широкий класс объектов.

22 Безусловно, нельзя говорить о сознательных вопросах со стороны теоретиков прошлого, ответить на которые могут представители последующего поколения исследователей. Это могло означать явную модернизацию истории познания и вписывать ее в интересы современности. Но действительное понимание актуальной практики науки невозможно без наличия начальных форм, которые изучают сегодняшние исследователи. Мысль развивается через смещение исследовательских оценок и ориентированности поиска, поскольку проходит через фазу отрицания и стирания прошлых ответов. То, что выступает несущественным на предыдущей ступени познания, может на следующей ступени превратиться в его ведущее направление.

23 Очень показательна попытка русского философа представить систему знаний человечества о мире в качестве некой пирамиды, в основании которой лежат науки о наиболее простых и всеобщих явлениях (математико-физическую группу), а на ее вершине находятся области, которые связаны с явлениями, наиболее сложными и наименее общими (биологические и социальные явления). По сути, базу такой классификации наук составляет идея о взаимосвязи природы и содержания знаний о ней. По мнению Лесевича, все это находится в подчинении закона уменьшающейся общности и растущей сложности.

24 Принцип отождествления бытия и мышления был «основным положением» различных философских программ. Однако при воспоминании о том, какое важное влияние на становление современной научной методологии оказала идея раннего Витгенштейна (которая была близка взглядам Лесевича) о связи языка и реальности, то идея наличия своего рода «переключек» и «резонансных точек» различных теоретических программ не кажется случайной.

25 Можно сказать, что Лесевич, без формулировки проблемы явным образом старался

выявить критерии, которые отличали привычное употребление научных терминов к собственно теории. Он не единожды подчеркивал, что в его понимании термин «наука» имеет отличия от того понятия, которое вкладывается в него традиционно. Если положительная философия выступает мирозерцанием, то ясно, по какой причине русский философ Лесевич утверждает верность своего понимания науки как философии, которая соответствует лишь некоторой части знания.

26 Одной из ведущих тенденций позитивистской программы во всех ее вариантах являлось стремление отождествлять их. Однако теперь разделение этих уровней казалось все более осознаваемой потребностью, несмотря на то, что она оставалась не осознанной до конца. Это обусловлено и тем, что разочарование в традиционном контизме существенно возросло среди сообщества европейских ученых и философов, близких к ним.

27 Здесь имело место значение, придаваемое Лесевичем критической составляющей системы Канта, когда расценивал ее в качестве критики всей предшествующей философии. В работах основоположника новой системы мировоззрения Лесевич видел только начало, поэтому искал и в самой этой системе толчок для дальнейшего движения мысли, но не находил его. Поэтому русский теоретик предпринимает попытки соединить позитивизм с «критическим реализмом», т. е. с традицией, которая исходит от Канта. В «Письмах о научной философии» он именно так определил свою задачу⁷.

28 Интересы Лесевича сместились в сторону «новой волны» позитивизма, т. е. «эмпириокритицизма», что было логично в результате его сомнений в возможности чисто объективистского понимания познавательной деятельности, и понимании необходимости анализа роли субъективных восприятий. Так, в начале восьмидесятых годов, Лесевич обратился к трудам деятелей немецко-австрийской школы, после чего издал работу: «Опыт критического исследования», посвященную анализу содержания и структуры позитивной философии.

29 В русской философской литературе труд спровоцировал шумную полемику, сопровождавшуюся обвинениями в адрес Лесевича от «традиционных позитивистов», которые восприняли ее как измену Лесевича французским авторам, преклонение перед немецкими философами, поскольку он призвал вернуться назад к Канту. Доля истины в этих упреках была. Однако смена направленности мыслей Лесевича в его «Критическом исследовании» была скорее не его ностальгическим отношением к прошлому, а тем, что он сильнее, чем другие, почувствовал происходившие в естествознании перемены и понимал, что философской теории необходимо усилить внимание к гносеологической проблематике со стороны.

30 Лесевич выступил с требованием уточнить и продолжить кантовскую систему. Мыслитель связал это с необходимостью исследования знаний о природе. Он подчеркивал необходимость «нового класса ученых» занимающихся «определением степени совершенства каждой отдельной отрасли знания как науки, открытием отношения и связи между ними, резюмированием, если возможно, их частных принципов в меньшее число принципов, общих им всем»⁸.

31 Однако совершенно очевидно, что решение таких задач не могло опираться на имеющийся непосредственный опыт. Не помогла бы даже идея иерархизированных уровней знания, на которой базируется классификация наук самого Лесевича. Здесь нужны были новые организационные принципы. И здесь Лесевич показывает свое отличие от кантовской системы, в которой, как он утверждает, Кант задумался о том, что возможные чувственные данные могут быть недостоверными. Это резкая перемена позиции для бывшего контиста, которая не является случайностью.

32 «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина, претендовавший на революцию в естествознании, обусловил необходимость прояснения очень существенного для ученых вопроса о том, как разделить в знаниях о физической реальности слои, «навязанный» исследователю непосредственно реальностью, от слоя, который вносит человек, который

обусловлен его особенностями восприятия или теоретического понимания. Такой вопрос о том, чем отличается объективная истина от формальной теории и какими представляются изначальные элементы, которые смогли одинаково хорошо восприняться всеми исследователями и не вызывали сомнения.

33 Такое разделение философского и частного теоретического уровней рассуждения играло весомую роль. В этом вопросе определение материи, данное Лениным, решало поставленную задачу, так как качественное отличие философского подхода к пониманию материи было, прежде всего, в указании на ее независимость от воли и сознания человека. Многие сторонники эмпириокритицизма, стремились к тому же, даже не осознавая этого. Субъективно-идеалистическая форма выражения их взглядов была продиктована непониманием качественной новизны того уровня, на который философское исследование трансформировалось.

34 При классификации взглядов Авенариуса стоит обратить внимание на ту философскую неясность, которая свойственна полемике того времени. Швейцарский теоретик невольно отождествлял объекты природы, с которыми сталкивается в своем непосредственном взаимодействии с реальностью, и объект познания, который вычленяется и обрабатывается как фрагмент этой реальности, включенный в систему научных представлений о действительности.

35 Понятно, что в первом случае нет зависимости от человеческой воли, и, наоборот, независимое существование диктует человеку конкретную форму поведения. Во втором же случае имеется производное от познавательных целей и установок специфицированного субъекта. Такой характер прямой связи деятельности человека и предмета этой деятельности указывал Карл Маркс в своем первом тезисе о Фейербахе⁹.

36 Важным фактором, который обусловил характер научных революций XIX-XX вв., стало смешение философских и естественнонаучных теорий. «Современная физика лежит в родах, писал Ленин. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные»¹⁰. Часто этим все и заканчивается. Но так зарождались «критические точки», из которых в XX в. возникла новая методология современной науки. Этому способствовали многие ошибочные с точки зрения споров того времени, положения эмпириокритиков (в том числе и отечественных), что было незаметно для них самих. Так, возникла проблема субъекта познания, которая заняла весомое место в формировании квантово-полевого картины мира. Так проявляется способность философии к прогнозам, что может обнаруживать «рациональные зерна», которые сами естествоиспытатели еще не заметили и не осознали.

37 Лесевич особо острое внимание уделял полному различию «представления» и «понятия», видя в этом разницу между «критическим мышлением и мышлением обыденным»¹¹. Т.к., по его мнению, теория познания является орудием критики, так как «имеет своей целью устранение ошибок обыденного мышления и установление таких правил для перехода от восприятий к понятиям, которые могли бы вести не к иллюзиям, не к призракам, но к действительному знанию»¹².

38 Уже в пределах «третьей волны» позитивизма проблема демаркации играла ведущую роль в становлении логики нашего времени, поэтому очень важно было выявлять исходные формы, в которых зарождались направления, определяющие поиски современных исследователей.

39 Возможность разделения науки и «ненауки» для самого Лесевича представлялась в связи с выявлением точного обозначения степени абстракции используемых понятий. Лесевич думал, что если бы удалось такое значение установить, то можно было бы, представить ту линию, что ведет к философским обобщениям. Знание человека представляет собой, согласно этой идее, непрерывную цепь, между звеньями которой существует лишь относительное различие. Таким образом, резкая граница лежит не между наукой и философией, а между обыденным мышлением и научным.

40 Для Лесевича контизм именно поэтому остался не законченной независимой

философской системой, а материалом для выработки философии. Он считает, что его отличие от западноевропейских последователей Конта заключается в необходимости учитывать изменяющийся характер естественнонаучного учения и отказываться от догматизации схем, которые были построены основателем позитивизма. Как подчеркивал Лесевич, философская теория познания должна быть методологическим регулятивом для естествоиспытателя. Это даст ему возможность правильно решать мировоззренческие вопросы. Говоря о Лесевиче, стоит учитывать, что пристрастие эмпириокритицизма к идее «чистого опыта» показывало болезни роста самой науки, самосознание которой росло и стремилось освободиться от неявно действующих установок существующих философских программ. Несмотря на то, что диалектический материализм уже существовал как мировоззрение, но негативное отношение к прежнему диктату натурфилософских принципов оказалось существенным. Это привело к неприятию любых непосредственно философских концепций.

41 Весь эмпириокритицизм в целом, привел Лесевича к различным формам объединения объективных и субъективных факторов познания. Как утверждал сам автор, идеализм и наивный реализм (материалистическая традиция) базируются на объективизме и не дают достоверного знания.

42 «Из общей совокупности условий возникновения восприятий идеализм исключает объект; наивный реализм субъект»¹³, писал Лесевич, полагая, что такое изучение является некритичным и умозрительно заданным. Если учитывать это, можно сказать, что идеи Лесевича наделены здравым смыслом. Дело в том, что понимать под «объективным» и «субъективным».

43 Стоит отметить, что в контексте культурного фона, который образовался на стыке двух столетий, позиция Лесевича и главная черта эмпириокритического подхода были объективно связаны с «попятностью» в развитии науки. Это и использовалось реакционными кругами того времени. Но истина рождается в процессе. Как говорил В.И. Ленин, попятное движение может привести к правильному результату. Изменившийся фон находит новые аспекты некоторых старых идей, которые сегодня связанными с другим смыслом. И предназначение методологии науки заключается в том, чтобы выявлять как раз эти «зерна истины».

44 Лесевич часто упоминает о том, что новая философия пройдет путь самобытных способов образования своих понятий и придет к необходимости извлечения урока из истории науки. Поэтому «основначала научной философии в историческом порядке возникновения следуют за науками, но в порядке дидактического изложения должны предшествовать им»¹⁴.

45 Само опытное естествознание является в большой степени зависимым от интересов и целей ученого. Лесевич старается сохранять надежду на создание систем верного мышления, обязательного в равной мере для любого исследователя.

46 Эти явления, согласно Лесевичу, формируют понятия, с помощью которых происходит обобщение изучаемых феноменов, что создает весь комплекс теоретических средств, которые используются конкретной дисциплиной. Следовательно, совокупность понятий, которые соответствуют конкретным группам явлений природного мира, создает конкретную научную дисциплину. В то же время комплекс умозрительных понятий дает толчок к зарождению абстрактной теории, в предельном случае философской¹⁵.

47 Наука этого периода столкнулась с непониманием ее качественной новизны и трудностями, которые были обусловлены отношением к марксизму.

48 Многие проблемы философской полемики этого времени являются результатом неадекватного осмысления естествоиспытателями личного опыта. В 1860-е гг. Лесевич писал о разрыве философии и реальной научной практики, а теперь помешал увидеть переход теоретического мышления в целом на качественно другой уровень и понять, что привычные стереотипы мышления, которые казались незыблемыми, перестают действовать.

49 Безусловно, внутреннее противоречие позиции русского эмпириокритицизма обуславливалось психологическими границами восприятия, разрушить которые не могут даже гениальные мыслители. Так, британский физик Максвелл, создатель математической основы электродинамической картины мира, в свое время не смог преодолеть традиции, которые были связаны с механистическим подходом. И Эйнштейн, работы по изучению фотоэффекта которого очень повлияли на становление квантовых представлений, так и не смирился с ними, и надеялся на возврат к ясности электродинамики. Но досадно, когда находишь в работах великих мыслителей тех времен идеи, которые остались не до конца понятыми даже их авторами и их современниками. Понятно, что реализовавшаяся тенденция открывает перспективы для более полного выявления значения ее прошлых форм. И многие мысли теоретиков позитивизма за пределами конкретного контекста уже утихших споров имеют большую глубину, чем это виделось раньше.

50 В любом случае, основная черта учений Лесевича совпадала с общим тенденцией развития русской культуры начала нашего века. Его работы оказали существенное влияние на оригинальных теоретиков А.А. Богданова или Н.А. Бердяева. Красноречив тот факт, что настолько разные по характеру и направленности мыслители подверглись влиянию одного из крупнейших русских позитивистов.

51 Стоит справедливо подчеркнуть, что принятая философия имеет влияние на весь строй умственной человеческой деятельности. Соответственно, через нее влияет и на практическую сферу взаимодействия людей с окружающей действительностью, Лесевич считал, что его цель заключается в нахождении «полной и широко независимой истины, светлого и глубокого знания, правильных убеждений, долженствующих очистить нашу мысль и нашу жизнь и поднять нас на высшую ступень умственного и нравственного развития»¹⁶.

52 Это привлекательная, манящая цель, которую преследовала философия с самого своего возникновения. Она заманчивая и для отечественных мыслителей, для которых оказалась связанной с актуальными требованиями настоящей общественной жизни, а не с абстрактными идеалами. И, тем не менее, настолько ценимый Лесевичем критицизм снова ему изменяет.

53 Утопическая черта отечественной культуры того времени мотивировала к достижениям абсолютно «чистого» знания даже тех, кто считал смыслом своей деятельности свержение любых абсолютов. Однако наука продолжала развиваться и накапливать опыт в новых условиях. Это постепенно сформировало представление о новых потребностях, в связи с чем появились труды иных русских последователей позитивистской программы. И наиболее значимым из них для того времени следует считать Павла Соломоновича Юшкевича.

54 Его личность является одной из самых самобытных в ряду русских теоретиков уже в начале XX в. Он выступил с позиций нового варианта эмпириокритицизма, который он сам создал и определил как «эмпириосимволизм», продолжив мысли своих предшественников и противопоставляет свою концепцию абстрактным абсолютам, которые, как он считает, свойственны всем предшествующим системам мировоззрения. Создатель «эмпириосимволизма», как и Лесевич, рассматривает материализм и идеализм в качестве чисто умозрительных конструкций.

55 Юшкевич марксистской теории уделяет больше внимания, чем его предшественник, поскольку находит в ней способ адаптировать привычный материализм к естествознанию XX в. Он считает, что мировоззрение марксизма составляет «одно из величайших завоеваний науки прошлого века учение об эволюции»¹⁷, в связи с этим упрекал Ф. Энгельса в необоснованном расширении смысла понятия «диалектика». Юшкевич рассматривает диалектический материализм как продолжение традиций Спинозизма на базе сочетания идей эволюционизма и эмпиризма.

56 Русский философ настаивал на том, что марксизм – это не целостная и не

завершенная система философии, хотя он сам не замечает, как ориентируется на цели прошлых, традиций, которые сам отрицал и с которыми не соглашался, с целью создать универсальное описание мира. Он не осознает качественную новизну нового подхода, что обусловило разность аргументов спорящих сторон. Также наблюдается продолжение смешения различных уровней познания, против чего выступал русский философ Лесевич. Юшкевич понимает марксистские трактованные материи в качестве разновидности кантовской «вещи в себе», поэтому он отвергает его, обосновывая это тем, что научное определение материи обязательно должно давать перечисление значимых свойств объекта. Он полагает, что если признает познаваемость материи, то это будет означать, что он допускает возможность познания кантовской «сущности», которая принципиально оторвана от мира явлений.

57 Доводы о приведении некоего понятия под более обобщенное многократно приводились противниками ленинского определения «материального», которое он дает в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Это говорит о том, что сторонник позитивизма чувствовали, что необходимо находить новую философскую стратегию, поскольку требовался новый уровень познания. Однако они столкнулись с одним из подходов к ней, и не сумели избавиться от влияния прежних установок, против которых они выступали, хоть и не особо явно.

58 Когда В.И. Ленин осознавал ограниченность привычной логики Аристотеля по поводу «неклассического» естествознания, он использовал принцип сопоставления понятий друг другу вместо их сопоставления. «Материальное» и «идеальное» он оценивал как предельно широкие категории, считал, что можно их содержание выявить через сравнение и противопоставление. Это дало толчок к созданию контекста, с помощью которого можно было понять их как полярные единицы в составе более широкого целого основного философского вопроса.

59 Такая стратегия немного позже трансформировалась непосредственно в самом естественнонаучном исследовании в виде «принципа дополненности», который на сегодняшний день является одним из наиболее первостепенных методологических регулятивов практики исследования действительности.

60 Так, марксистский подход дал Ленину возможность почувствовать тенденции новой познавательной стратегии, но он еще не осознал их глубину. И это происходило в то время, когда сами естествоиспытатели еще даже не задумывались над этим. Так возникли внутреннее противоречие их позиций, драматизм и напряженность теоретических конфликтов, которые сразу стали возникать. Эмпириокритики (преимущественно наиболее чуткие из них) предпринимали попытки сохранить ориентацию на опытно-фактологическое основание, однако понимали, что в само научное знание включено множество положений, которые не выводились из непосредственного опыта.

61 Юшкевич видел выход из противоречивой ситуации в признании параллельности «психического» (он включает сюда чувственный и логический уровни) и «физического», т.е. внешнего, «телесного» проявления действительности. Исходя из этого, он воспринимал марксизм как концепцию, которая противопоставляла и разрывала материальное и идеальное. Это означало, что она была не способна обеспечить истинное решение вопроса об их действительном соотношении. Стоит упомянуть о том, что Юшкевич говорил о марксистском подходе (это зафиксировано в работах 1908 г.) и преимущественно имеет в виду Плеханова. Юшкевич именно на него направляет критику касательно диалектико-материалистической интерпретации данных естествознания, описанные в книге «Материализм и критический реализм».

62 Он критикует Плеханова и обвиняет в «выведении» объектов природы из умозрительно постулируемой «материи» и настаивает на признании существования «независимого внешнего мира» как идеализме, ориентации на скрытые сущности, которые человеку не доступны, но с их помощью якобы традиционная философия предпринимает попытки объяснить явления окружающей действительности. Более того, такого рода

объяснения исходят из идеи о неких существующих самостоятельно причинах, которые не зависят от опыта.

63 Развитие естественных наук XX в. определялась попытками найти основу собственной деятельности непосредственно в научном исследовании и стремлением уйти от внешних влияний в науке. Они, по мнению ученых, были навязаны им философией. Весь период истории познания с середины прошлого столетия до середины XX в. – пронизан надеждой на «самодостаточную» науку, которая замкнута в себе и свободна от спекулятивных абстракций. Понятно, что «позитивистское понимание опыта как главного средства, который обеспечивал целостность человеческого знаний, в данном контексте стало одним из ведущих регулятивов самосознания науки»¹⁸. Более того, самой важной функцией познания с точки зрения такого подхода была дескриптивная, т. е. описательно-классификационная, а не экспликативно-объяснительная.

64 С этим соглашались все представители позитивистской ориентации. Однако различия имелись в понимании сущностной природы опыта. У Юшкевича был свой ответ на этот вопрос. Он выступал против маховской абсолютизации ощущений из-за большой неопределенности этого подхода, и выдвинул идею о преобладании «логического момента» в познавательном акте над психологическим. Он связывал понятие «объективной реальности» с логическими отношениями между различными понятиями, а не с объединением чувственных восприятий, из которых Мах планировал построить «элементы мира»¹⁹. Здесь Юшкевич, скорее всего, даже не осознавая этого, стал предшественником логического позитивизма, который называли третьей волной позитивизма.

65 Внимание к идеям эмпириосимволизма носит не только историческое значение. Юшкевич стал одним из первопроходцев - теоретиков, осознавших важность нарушения границ психологической концепции, с которыми переплеталась программа Маха, и смотреть шире. Чувственное восприятие каждого индивида является отображением его личностных переживаний, которые показывают его «внутреннюю реальность». Она объективируется и реализуется для других людей только посредством внешнего выражения, в частности языка. Логика, наоборот, представляет межиндивидуальный подход в отношении человека к реальности, которая его окружает. Это позволило Юшкевичу сформировать объяснение «объектов познания» как неких символов. При определении понятий он намеревается отыскать фундамент трансформаций чувственных восприятий различных людей в некое «общее» представление, которое не подвергается восприятию через индивидуальные особенности организма конкретного человека²⁰. Но в этом вопросе имела влияние идентификация феноменов природы и их теоретических моделей, свойственная стадии позитивизма, которая была ранее. Это стало подовом для критики эмпириосимволизма со стороны В.И. Ленина, фокус внимания которого направлялся на сохранение всего материализма и ограждение от «идеалистических шатаний».

66 Вследствие этого Юшкевич неустанно делал акцент на сходстве мнений приверженцев «второго позитивизма» с системами идеалистической философии прошлого, в то же время часто игнорировал еще неясные направления, которые указывали на зарождающийся интерес науки к себе самой. У ученых XX в. появилась потребность в четко обособленных принципах организации своих знаний о мире, что связано с осознанием перемен, коснувшихся их представлений о «наглядности», «непосредственной данности», и пр., которые связаны с переходом на качественно новый уровень исследования. Теперь прямая чувственная связь с объектом стала неэффективной там, где непосредственной данностью являлись приборы, которые были разработаны для познавательных открытий.

67 В связи с этим Юшкевич рассматривал абстракции, отвлеченные понятия, которые нарек как «эмпириосимволы», в качестве ведущих способов, посредством которых разноплановость эмпирического мира приобретала форму единообразия знаний человека²¹. В результате современные методологические поиски обрели новый смысл. В связи с этим утверждение Юшкевича о представлении научной абстракции как мысли о работе некоего закона природы (например, закона Ньютона) не вызовет никаких возражений. Но с

трактовкой самой природы, как «постулата о непротиворечивой связи данных опыта»²², можно поспорить.

68 Как правило, бескомпромиссное следование устаревшим традициям оказывает губительное влияние на любой вид деятельности. Это касается и философского теоретизирования. Наклонность к отождествлению материализма с его механистической формой и недоверчивость к умозрительным схемам прошлых систем стали поводом для присвоения представителями «научной философии» статуса материального только механическим и геометрическим характеристикам. А учитывая, что объекты реальности сводились не только к этим свойствам, то приверженцы эмпириокритического подхода старались отыскать форму объективизации и тех черт реальности, которые, как они полагали, были лишены материалистического выражения и существовали в форме индивидуального переживания ощущений.

69 Это не делает простым адекватное понимание действительного вектора поиска многих теоретиков, которые ориентировались на обдумывание опыта нового естествознания, ими самими и их оппонентами. Юшкевич в познании ориентировался не на «психическое», а на «логическое» (несмотря на то, что эти понятия он даже осознанно не различал). Мыслитель подчеркивал, что «психическое» не нужно рассматриваться через призму содержания переживаний человека, поскольку оно является формой этого переживания и формируется как результат опыта коллектива. Поэтому «эмпириосимволы» внедряются в науку для структуризации отдельных переживаний человека. С их помощью можно построить «теоретические представления об изучаемых наукой феноменах»²³.

70 Обращаясь к размышлениям Маркса о существующих между чувственными восприятиями животных и человека различиях, о том, что органы чувств человека являются результатом их исторического развития, и человеческие чувства становятся «теоретиками», находим, что идеи Юшкевича отображают множество «рациональных зерен», которые впоследствии обернулись всходами, достойными внимания. Но изъяны эмпириокритицизма, о которых мы рассуждали выше, не дали хорошим мыслям найти правильное развитие. В таком случае упреки Юшкевича Лениным были справедливы, поскольку он не видел двойственности эмпириокритицизма, он противопоставлял его Вундту, который вычленил в позитивизме материалистические и идеалистические направления.

71 Но «второй позитивизм» в попытках дать реакцию на нужды нового естествознания в становлении принципов организации научного знания более ясными, намеревался не столько понять, в чем заключается разница познавательных уровней, которая имела уже к этому времени, сколько устранить ее любыми способами. Регулятивом «третьей волны» позитивизма стала надежда на создание единой системы унифицированного знания, что сформировало направленность многочисленных споров между сторонниками неопозитивистской программы и ее противниками.

72 Эту же тенденцию продолжала полемика Т. Куна и его многочисленных оппонентов. Постпозитивистский этап заставил методологов задуматься о невозможности существования замкнутой в себе, изолированной от любых социокультурных влияний науки, в то время как логический позитивизм обуславливался потребностями науки 20-го века в осмыслении этапов формирования знаний и вычленения эмпирического содержания используемых наукой абстракций. Однако проблема создания критериев научного знания в чистом виде так или иначе задавала вектор усилиям теоретиков, которые даже выступали противниками бескомпромиссности программ логического эмпиризма.

73 Но смысл не в том, что Юшкевич смог предвидеть будущий путь развития логически. Полагать так, значит модернизировать реальность не естественным способом. Это указывало на зарождающееся становление метатеоретического уровня конкретной науки, которая пребывала еще в сфере традиционных форм восприятия имеющихся теорий философии и не до конца сформировавшихся новых представлений о значимости опытных данных, которые были получены естествоиспытателями в начале столетия.

74 Однако все же стоит отдать должное методологической проницательности и чуткости Юшкевича. Он многое понял верно. Например, он догадался делить факты опыта на «индивидуально значимые» (которые связанные с восприятием конкретного человека конкретных объектов) и «общезначимые», которые являются фактами, обусловленными социальными характеристиками, и фактами абстрактными. Под абстрактными фактами понимаются общепонятные структуры, фиксирующие полученные исследователями результаты. Кроме того, имеют место факты «конкретно значимые», которые являются средством указания на объект, с которым работает исследователь в какой-то определенный момент времени.

75 Таким подходом удается обнаружить множество тенденций, которые стали ключевыми в программах Куна, Поппера, Лакатоса и других методологов науки, определявших вектор анализа науки уже в середине нашего века. Однако общность многих важных аспектов прошлого и настоящего существенно, несмотря на то, культурный фон, наука и способы ее анализа претерпели существенное изменение.

76 На выявление внутренней логики развития самой науки были направлены усилия исследователей, самых различных профилей. Это явно проявляется в имеющихся совпадениях данных, полученных по результатам их анализа, который дает богатую базу для понимания природы факторов, определяющих общий ход познания действительности.

77 Концепция Юшкевича, хоть и совпадала с эмпириокритицизмом, все же существенно отличалась. И эти различия носили не просто частный характер. Они обуславливались тем, что Юшкевич особое внимание уделял активно-деятельностной составляющей интеллекта человека. Он отстранялся от вопроса о реальности «внешнего мира», и изучал факты, с которыми имеет дело научное исследование, как «навязываемое человеку принудительно». Однако и непосредственно эти факты являются плодом искусственно созданной в рамках исследования обстановки. Даже значение слова «факт», по трактовке Юшкевича, - это «нечто сделанное», «сделавшееся»²⁴. Несмотря на это, опыт и все, что обеспечивает его возможность с точки зрения данного подхода, имеет значение приборов, которые использовались экспериментатором, поскольку они не создают объекты для изучения, а только увеличивают способность человека видеть их. Тогда функция исследователя заключается в регистрации наблюдений, а научное творчество входит в связь с созданием наиболее эффективных способов такой регистрации.

78 Поэтому Юшкевич приравнивает творческий прогресс к изобретениям правил игры, руководствуясь которыми, человек создает мир символов. Он является фиктивным, но помогает индивиду успешно добиваться своих целей в контексте реальных ситуаций. По мнению Юшкевича, символизация дает человеку почву для осмысленного отношения к своим поступкам, потому что создает целостный контекст, в котором связываются в единое целое цели человека и его акты деятельности. Моделирование использовалось в качестве познавательного метода и плавно превращалось в один из ведущих способов формирования нового знания. Такую цель, раскрыть природу и особенности научного познания поставил себе естествоиспытатель и философ, который создал собственное направление, именованное им как «эмпириомонизм», А.А. Богданов.

79 Даже при наличии существенного различия целей и подходов Юшкевича и Богданова явное сходство между ними определенно имелось.

80 Направление эмпириосимволизма давало, скорее, тенденции, которые сближали его с теми вопросами, по изучению которых проводились исследования, составившие несколько позднее всю суть неопозитивизма. Не случайно Юшкевич уделяет внимание «символизму математических понятий»²⁵ одной из ключевых тем, которая овладела вниманием представителей неопозитивистской традиции.

81 Юшкевич в попытках показать, как ключевые математические конструкции и процедуры формируются из процесса предметного взаимодействия человека с окружающей природой и людей друг с другом, придерживается рамок кантовского понимания абстракций

пространства и времени. Он осмысливает их через призму чисто логических конструкторов и делает акцент на том, что все же нужно отделять «логические» пространство и время как условия опыта, от физиологических, понимание которых есть у каждого человека. Последние не могут быть основой межиндивидуального значения. По этой причине для научной методологии они не представляют ценность.

82 Исходя из данного подхода, ощущения человека – это повод для формирования теоретического конструкта материала, из которого ученый составляет «объект в чистом виде», мысленно отходя от реально присутствующих в чувственном восприятии не состыковки отдельных его моментов. Это превращает концепцию Юшкевича в один из первых видов логического анализа научного знания.

83 В попытке вычлнить формально-организационные принципы, которые стали определяющими в возникновении «фактов науки», Юшкевич сформировал направление современного ему позитивизма и стал работать над постижением тех вопросов, к которым в целом, естествознание пришло спустя некоторое время. Это показывает важность адекватного осмысления своей деятельности каждым исследователем.

84 На восприятие новых идей оказывало губительное влияние несоответствие форм представления найденных фактов нормам коммуникации, объективно складывающимся в исследовательской практике, не подкрепленность языковыми средствами, обеспечивающими адаптацию новой информации в сознании сообщества ученых. В таком контексте стало традицией вспоминать историю, произошедшую с де Сен-Виктором, французским физиком-любителем, который открыл радиоактивность до Беккереля и семьи Кюри, но не сумевшим понять истинный смысл своего открытия и не сделавшим эти результаты достоянием научной общественности того времени.

85 Поэтому одной из ключевых целей современной методологии науки должна быть нацеленность на решение задачи, которую поставил еще Кант. Она касалась создания исследования, направленного на анализ возможностей, которые спрятаны в уже существующем знании. Переход от экстенсивного развития к интенсивному - норма не только и не столько экономическая. Человечество всегда как бы знает больше, чем осознает знанием. И выявление новых трактовок имеющихся знаний, поиск новых возможностей практического применения могут стать самостоятельной сферой, в которой будут работать естественнонаучные и собственно философские интересы.

86 Юшкевич понимал и осознавал, в чем нуждается развивающаяся наука, одновременно с этим рассуждал в плоскости прежних философских традиций, что и дало почву для утверждений, которые были встречены возражениями со стороны представителей диалектического материализма. По сути, без определенных уточнений невозможно согласиться с тем, что все наше знание – это «познание символического»²⁶. Поэтому он неустанно указывал на то, что индивид создает для себя социальную, а по умолчанию искусственную среду, через призму которой он оказывает влияние на природу и подчиняет ее себе.

87 Такая среда не может сформировать без связей с естественной средой, потому что состоит из и материальных, и идеальных элементов. «Орудия и символы - это два дополняющих друг друга аспекта теоретической деятельности человека; об орудиях можно сказать, что это своего рода искусственные, символические органы человеческого тела; точно так же и о символах можно утверждать, что это искусственные «инструментальные» ощущения человеческой психики»²⁷.

88 По этой причине не бывает «чистых фактов». Идея «непосредственной данности» факта, которую описывал классический позитивизм, в разрезе нового естествознания показала свою несостоятельность и нереализуемость.

89 Поэтому Юшкевич проверяет логикой познание и осознает важность этой проблемы, поэтому предлагает разграничивать «понятия-копии», от «понятий-символов», не связанных с этими образами. Так, понятие-символ выступает в качестве аналога «целого ряда

психических образов, скрытых в подсознательной области»²⁸. Это в свою очередь приводит к чисто операционалистскому пониманию самой логики. Для Юшкевича понятие становится алгоритмом формирования соответствующих символов. В таком случае отражение мира вещей в сознании человека, на котором зиждется диалектико-материалистическая теория познания, приобретает черты пережитка эмпиристской традиции.

90 Но тем самым эмпириосимволизм становится заключенным в рамки субъективной самовольности исследователей, потому что каждый может задавать себе правила игры в зависимости от собственных целей, а согласие с ними другими членами сообщества будет определяться авторитетность автора правил. Это автоматически не гарантирует истинность научной информации. По опыту реальной практики научного исследования, ориентированность на авторитет в конечном итоге приводит к деградации в науке.

91 Юшкевич стремился снять возможность волюнтаризма в познании и решает прибегнуть к разделению «научных» и «ненаучных» представлений о мире, что детально обсуждалось В.В. Лесевичем. Представители позитивистской традиции были движимы интересом к этой теме, потому что надеялись с помощью введения «демаркационной линии» увидеть единые законы построения «надежно обоснованных» знаний. Тогда, по мнению Юшкевича, последствия ориентированности на авторитет были бы сняты, поскольку правила были бы общего значения и соответственно «объективными». Переплетение двух уровней сознания философско-теоретического с повседневно-бытовым, против чего боролись представленные в этой работе русские позитивисты, стало для них невидимой установкой, устранить которую оказалось им не под силу. И это видно, например, в пояснении Юшкевичем объектов познания как нечто «созданного» мыслью человека. Истоки такого рода теоретической путаницы, которая послужила толчком к неправильному пониманию самими учеными высказываемых ими вещей и вызывавшей споры, часто не дающие просветления, а еще более путающие истинную суть процессов, которые происходили в естествознании.

92 Нужно упомянуть и то, что существовал фактор, который способствовал подобному смещению. Им является поверхностно понятое и до конца не исследованное противоречие между желанием построить систему знаний с помощью представлений об идеальных объектах и структурах и опытом современной науки, которая столкнулась с конвенциональным характером подобных стремлений и осознала важность и нужность более надежного объяснения результатов, которые получали исследователи.

93 Юшкевич предпринимал попытку разрешить эту потребность посредством некой универсальной модели, что обернулось для него восприятием познания как процесса непрерывного образования символов, глобальность которого разрастается с наступлением каждого нового этапа. Систему знаний человека следует упорядочить по принципу иерархической пирамиды символов. Каждый человек получать исчерпывающее объяснение только в рамках всей системы. Это похоже на классификацию наук, которую предложил ранее В.В. Лесевич. Мысли обоих этих авторов пронизаны рациональностью, однако они питали надежду создать единую, унифицированную науку, что, естественно, стало очередной утопией.

94 Это доказала логика развития самого позитивизма и «философия науки» направление, близкое позитивизму. Многие ученые, которые были приверженцами этих направлений, предпринимали попытки создать «нейтральный язык» научного описания, который должен был существовать в рамках терминов, однозначно сводимых к протоколно фиксируемыми эмпирическим ситуациям исследования. Такие «оборачивания» начальных утверждений наглядно показывают диалектическую сущность познавательной деятельности, ее неспособность вписаться в схемы и «чистые линии» развития, которые сильно ценились авторами учебников. В действительности можно внедрить кардинальные изменения точки зрения любого исследователя на интересующий его вопрос. И иногда такие «скачки» кажутся незапланированными и необъяснимыми. Но при проведении детального анализа конкретных концепций часто находится существование в них неявных направлений, которые могут повлиять на возникновение подобных изменений. По сути, в каждой теоретической

системе есть подсказка о границе применимости. Однако человек не всегда может сразу это увидеть. Изначально это касается самих авторов таких концепций, которые в большинстве ориентированы на какую-то одну привлекательную возможность. С этой точки зрения интересно, что Юшкевич находит родство своего мнения с мыслями яркого представителя позитивизма, французского ученого и историка науки П. Дюгема, который прославился отрицанием способности теорий быть орудием для получения новых знаний и видел в них только форму экономного формирования опытных данных.

95 Юшкевич находит в его мыслях свидетельство символичности научных знаний, поскольку Дюгем говорил о том, что именно научная теория определяет соответствие используемых наукой понятий фактами, наблюдаемыми в реальности, которые за пределами теоретического контекста вообще оказываются бессмысленными²⁹.

96 Теперь Юшкевич не может не ставить вопрос о связи познавательных символов и реальности «самой по себе». Ответ же он находит в той идее «пирамиды символов», о которой мы говорили выше. Понимание реальности исключительно как «предельной, инфинитной системы символов, к которой стремится наше знание»³⁰, не способно дать правильное решение поставленному вопросу. Юшкевич часто переходил на привычный для философии прошлого поиск единого универсального ответа на «абсолютные вопросы», поэтому эффективность соединения угаданных им нужд новой науки и прежних устаревших средств философского рассуждения была крайне низкой.

97 Поэтому противопоставление действительности как иррационального течения жизни иному ее пониманию - идеальной символической системе, в отношении к которой любая научная концепция оказывается только приближением, отвечающему принципам научных традиций, являясь по сути подменой истинного поиска новых мерок рациональности познания. Юшкевич противился замечать качественную новизну метода марксизма, поэтому абсолютизировал сознание, которое выделяло в поиске действительности постоянные элементы, посредством чего хаотический поток упорядочивается³¹.

98 Такие решения задают концепции эмпириосимволизма частный характер по отношению к общей системе эмпириокритицизма, что и не дает выявить содержащиеся в этой концепции оригинальные идеи. Юшкевич дублировал мысли старых и новых ученых о психологическом фундаменте представлений материи как «всеобщей субстанции». Он оставался в рамках метафизического понимания субстанции как «первовещества», показывая удивительное для нашего современного восприятия несовпадение знаний о сущности физического мира, имеющих к этому времени, и реального понимания смысла этих знаний, к которому наука пришла достаточно поздно в середине XX в.

99 Такая разность способствовала возникновению мощных противоборствующих направлений в интеллектуальной отечественной среде того времени. Приравнение материализма и механицизма, стало поводом для определенного разочарования в научном мышлении, спровоцировало возникновение сомнений в возможностях рационального способа понимания окружающей реальности. В связи с этим неизбежно мышление сдвигается к иррационализму, и зарождается всплеск интереса к различным мистическим учениям.

100 Юшкевич был чутким философом, поэтому он не прошел мимо факта увеличения интереса к мистическим исканиям в русском обществе. Он предпринимал попытки объяснить причину возникновения этого. Он говорит об изменении духовной атмосферы в связи со сложными социальными сдвигами, которые были в это время в России, с движением общества в сторону «европеизации». Юшкевич говорит об объединении мистических учений с левыми социальными течениями. Как утверждает ученый, период «единства ориентаций русской интеллигенции» завершен, теперь пришло время расслоения интересов общества³².

101 Высокий интерес к научному познанию, мысли о достижении полного истинного изображения реального мира отходят на задний план. Теперь возникают размышления о

древних вопросах: о смысле человеческой жизни, жизни и смерти. Наука до сих пор не смогла дать твердого ответа на эти вопросы. Поэтому интеллигенция стала проявлять интерес к идеалистической философии. Это было также обусловлено, по мнению Юшкевича, пониманием резких отличий между «идеологией города», которая появилась в России к XIX в., и крестьянской культурой.

102 Носители психологии «горожанина» почувствовали свою отчужденность от основного русского народа, поэтому в надежде стать к нему ближе, обратились к идее Бога. Здесь Юшкевич видит и причину возникновения интереса к различным формам «богостроительства» у представителей «легального марксизма», который способствовал формированию нового коллективного уклада души. Страх смерти, который подавляет человека, уменьшается под действием осознания себя как члена, части бессмертной стихии коллективной жизни. Именно так Юшкевич понимает мысли А. Луначарского³³.

103 Юшкевич замечает подтверждение адекватности идей эмпиросимволизма, так как по его мнению, главная суть эволюции культуры - это переход от тотемного, религиозного сознания близости человека к окружающему миру к символам этой близости. Символические формы участвуют в основании специфического контекста «как бы тождества», которое придает процедурам замещений, которые необходимы для формирования символов, метафорический, допускаемый характер. С такими направлениями Юшкевич связывает шансы общественного развития.

104 «Критический реализм», который дополняется эстетическим пантеизмом, создает основные особенности мировоззрения будущего», пишет Юшкевич³⁴. Это имеет симптоматичный характер, потому что, как мы уже говорили, философская концепция его современника и единомышленника А. Богданова основывалась на идее метафор как ключевого способа понимания социального опыта.

105 Важной характеристикой общественных культур является проявление внимания к метафорическим способам описания реальности мира и выбор различных форм аналогизирования как организационного метода познания. Чаще это случается на стадии качественных перемен во всем наборе явлений социальной жизни. Созданию атмосферы неуверенности и неопределенности способствуют сомнение в идеалах, распад стандартов и норм прошлого, которые определяли коллективную жизнь на предыдущих этапах. Неявная потребность в новых социальных ориентирах почти всегда способствует возникновению интереса к созданию разных утопий со стороны теоретиков.

106 Метафорические характеристики реальности гарантированно становятся одним из ключевых способов описания воображаемой реальности, потому что утопии часто показывают мир, «каким он должен быть» по мнению их создателей. Функция теоретика заключается в отделении реального мира от мира теоретически возможного и в их условном слиянии в общественном сознании. В этой связи контекст помогает утопической идее восприниматься, и направляет общественное сознание к нужным умозаключениям.

107 Юшкевич знает об этом. Недаром он обвиняет марксизм в доминировании критического над позитивным. Это достаточно странно для представителя положительной философии, поскольку она считала ключевой чертой творческого мышления критическое отрицание прошлого. Юшкевич знал, что полное избавление от идей прошлого как «фиктивного» знания – это некорректное упрощение. Даже неплодотворные идеи, оказывают влияние на последующие поколения ученых. Следовательно, стремления только к «положительному знанию» не дадут эффективного склада жизни общества. Нужно ориентироваться на мечту, на утопию³⁵.

108 В таком аспекте сама позитивистская идея понималась Юшкевичем как способ наращивания интеллектуальной силы людей, что увеличивало сферу возможных действий людей и давало почву для идеального адаптирования познания к миру. При этом Юшкевич задумывался над понятием «идеальной приспособленности». Традиционная положительная философия отвергала подобные темы, но Юшкевич говорил о нуждах своего времени, и

поэтому затрагивал обсуждение таких вопросов.

109 Также Юшкевич акцентирует внимание на том, что философия – это целостная реакция человека на комплекс сущего, которая существует в его мирозерцании и мироощущении в отличие от научной теории познания действительности.

110 Следовательно, область мировоззрения покидает систему символов, и остается для разбора психологии. Также понимание демонстрации как «безличностной» процедуры конфликтует с идеей инструментальной природы символов, которые формируют познавательную активность. Ведь если законы игры, которые создают их авторы и не принимают другие члены научного сообщества, то о демонстрации нет смысла говорить. Практика научного исследования показывает, что доверие к определенной методике или трактовке полученных результатов во многом зависит от авторитета исследователя или школы, которая стоит за ним. При всем желании убрать из науки все, что касается личности, сегодня является невозможным.

111 Но эмпириосимволизм Юшкевича формирует восприятие философии как «центра сгущения коллективных представлений и эмоций»³⁶. И в указанном смысле философская теория становится научной там, где освобождается от чувств и характера самого теоретика. Здесь отчетливо видно внутреннюю противоречивость позитивизма «второй волны». С одной стороны - пробы удержать общую для всей философии установку учитывать в знаниях чувства «как они есть сами по себе», с другой - направленность на растущее самосознание науки XX в., которая свои же способы анализа обращает на себя же.

112 Юшкевич выделяет философию в самостоятельный слой интеллектуальной работы и считает ее задачей формирование «вольного мироощущения личности». А что с научной философией? Или теория познания (единственно «научная» наряду с историей философии, по мнению Юшкевича) не связана с частью философского теоретизирования и должна трансформироваться в отдельную конкретно-научную дисциплину, или следует отметить место пересечения унифицированного знания и индивидуализируемого переживания.

113 Юшкевич же избегает такого решения. Он объясняет разрыв «разума» и «сердца» разложением коллективного чувства на индивидуализированные убеждения. Психология, по его мнению, больше не может быть фундаментом для общего отношения людей к действительности. Это место предназначается для логики. Но части группового сознания, которые еще работают, применяются наряду с научными, «буквальными» описаниями переносных, иносказательных, что связано с невозможностью непосредственного выражения эмоций группы. Поэтому логике еще рано становиться базой мысли. Это говорит о том, что последующее развитие научной мысли будет происходить с удалением из языка различных метафор (этой задачей потом занимался неопозитивизм), философия же должна быть направлена на описание индивидуальных и социальных человеческих реакций на все воздействия.

114 Таким образом, в позиции П.С. Юшкевича видно продолжение основной традиции положительной философии в новых интеллектуальных условиях. Философия будет направлена на понимание науки через призму контекста поисков единственно правильной формы описания опыта человека. Вместе с тем в отечественном позитивизме первой половины XX в. формировалась отличная от этой программа, которая была связана с представлением о науке как о средстве направления коллективной деятельности человечества на изменение окружающей реальности. И самым значимым представителем этого направления был А.А. Богданов, речь о котором пойдет в последующих статьях.

Remarks:

1. Лесевич В. В. Собр. соч. М., 1915. Т. 1. С. 11.

2. Там же. С. 16.

3. Там же. С. 54-55.

4. Там же. С. 57-58.
5. Там же. С. 58-59.
6. Там же. С. 59-60.
7. Там же. С. 467.
8. Лесевич В. В. Опыт критического исследования. С. 47.
9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. М.: Политиздат, 1966. - 71 с.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 332.
11. Лесевич В. В. Опыт критического исследования. С. 121.
12. Там же. С. 124.
13. Там же. С. 173.
14. Там же. С. 191.
15. Там же. С. 291.
16. Там же. С. 295.
17. Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908 С. 10-13.
18. Там же. С. 117.
19. Там же. С. 93.
20. Там же. С. 119.
21. Там же. С. 128-129.
22. Там же. С. 131.
23. Там же. С. 145.
24. Там же. С. 163.
25. Юшкевич П. С. Современная энергетика с точки зрения эмпириокритицизма // Философский сб. : Очерки по философии марксизма М, 1910. С. 173.
26. Там же. С. 177.
27. Там же. С. 178.
28. Там же. С. 180.
29. Там же. С. 183-184
30. Там же. С. 187.
31. Там же. С. 190.
32. Юшкевич П. С. Новые веяния: Очерки современных религиозных исканий. СПб., 1910. С. 8.
33. Там же. С. 114.
34. Там же. С. 149.
35. Там же. С. 179.
36. Там же. С. 14.

References:

1. Lesevich V.V. Sobr. soch. T. 1. M., 1915. 601 s.
2. Lenin. V.I. Sobr. soch. 3-e izd. T. 13. M.: Gospolitizdat, 1972. 579 s.

3. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 18. M.: Gospolitizdat, 1968. 525 s.
4. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 29. .: Gospolitizdat, 1969. 782 s.
5. Lesevich V.V. Opyt kriticheskogo issledovaniya. SPb, izd. avt., 1877. 309 str.
6. Marks K. Tezisy o Fejebahe. M.: Politizdat, 1966. ? 71 s.
7. YUshkevich P.S. Materializm i kriticheskij realizm. SPb.: Zveno, 1908. 200 s.
8. YUshkevich P.S. Mirovozzrenie i mirovozzreniya : Ocherki i harakteristiki. SPb., N.P. Karbasnikov, 1912. 184 s.
9. YUshkevich P.S. Novye veyaniya: Ocherki sovremennyh religioznyh iskanij. SPb.: Prometej, 1910. 209 s.
10. YUshkevich P.S. Sovremennaya energetika s tochki zreniya empiriokriticizma // Filosofskij sb.: Ocherki po filosofii marksizma M, 1910. 329 s.

Истоки русского позитивизма. Эмпириосимволизм

Локтионов Михаил Вячеславович

Институт философии РАН

Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Данная статья посвящена неотъемлемой части российской философии - русскому позитивизму и в первую очередь эмпириокритицизму философскому течению, прочно захватившему умы российской левой интеллигенции в начале XX века. Прежде всего рассматривается творчество Владимира Викторовича Лесевича - первого самобытного русского философа-позитивиста, чье творчество принадлежит переходному этапу от первого позитивизма ко второму (эмпириокритицизму). Затем дается попытка описания идей и концепций Павла Соломоновича Юшкевича, первого представителя русского эмпириокритицизма, создателя своего направления в нем эмпириосимволизма. Также, его заслугой является попытка развития второго позитивизма в направлении третьего логического позитивизма Венского кружка. Помимо этого, показывается значение вклада этих философов не только в развитие позитивистского направления, но и всей российской философии в целом.

Ключевые слова: Лесевич, Юшкевич, Богданов, Ленин, позитивизм, эмпириокритицизм, эмпириосимволизм, русская философия

Дата публикации: 30.12.2019

Ссылка для цитирования:

Локтионов М. В. Истоки русского позитивизма. Эмпириосимволизм // Полилог/Polylogos. – 2019. – Т. 3. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008003-5-1/> DOI: 10.18254/S258770110008003-5